БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ

РОМАНЫ
МАРИИ ВОРОНОВОЙ

МАРИЯ ВОРОНОВА

роман

БЛИЗОРУКАЯ ЛЮБОВЬ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Художественное оформление серии *С. Власова*

Ранее книга выходила под названием
«Клиника одиночества»

Воронова, Мария Владимировна.

В75 Близорукая любовь : роман / Мария Воронова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Большая любовь. Романы М. Вороновой).

ISBN 978-5-699-97234-0

Всё как в сериале — сняв очки, поскольку они не подходили к вечернему платью, близорукая Люба поддалась чарам молодого врача. И когда тот внезапно покинул вечеринку, опомнилась — а ведь она даже имени прекрасного принца не узнала! Начав выпытывать у подруги Зои, что за коллега-доктор сопровождал ее тогда, Люба оказалась втянутой в программу поиска достойного мужа, которую развернула Зоя ради ее счастливого будущего. И вот Люба встречается с чопорным профессором Максимовым, а тот самый принц — молодой доктор Станислав — сгорает от тоски и страсти…

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Воронова М., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-97234-0

ГЛАВА 1

Стас Грабовский терпеть не мог случайных встреч со своими начальниками или бывшими преподавателями. Хуже всего было сталкиваться с ними в метро или автобусе — из замкнутого пространства некуда деться, и приходится из вежливости вести светские разговоры, зная, что начальник тоже тяготится пустой болтовней.

Поэтому, увидев, что в маршрутку входит его новая заведующая Зоя Ивановна, Стас постарался сделаться невидимкой и закрыл глаза, притворяясь спящим. Однако спутница Зои Ивановны так понравилась молодому человеку, что он то и дело поглядывал на нее из-под ресниц. Это была высокая женщина лет тридцати, одетая с той беспомощной самобытностью, что отличает вдохновенных учительниц литературы и непризнанных художниц. Но ни дикое нагромождение деревянных бус и браслетов, которых, если сжечь, хватило бы для небольшого барбекю, ни бесформенные юбка с кофтой, ни грубые ботинки, ни ультракороткая стрижка не могли убить спокойного очаро-

вания этой женщины. Ее лицо не отличалось поразительной красотой, но высокие скулы, большие серые глаза и широкий рот с нежными губами почему-то притягивали к себе взгляд Грабовского.

Все места были заняты. Незнакомка прошла в конец маршрутки и взялась за вертикальную стойку. На поворотах машину кидало из стороны в сторону, и, чтобы удержаться на ногах, женщине приходилось совершать сложные пируэты, держась за стойку обеими руками.

Стас залюбовался пластикой ее сильного тела и забыл, что нужно прятаться от Зои Ивановны.

Но тут заведующая напомнила о себе так, что вздрогнул весь автобус.

— Что?! — услышал Стас хорошо знакомый голос. — Может, к тебе еще со своим бензином приходить? Это не мои проблемы, что у тебя нет сдачи!

После такого громогласного выступления притворяться, что Стас не замечает Зою Ивановну, было уже глупо.

— Никуда мы не выйдем! Еще чего! Поумнее что-нибудь придумай!

Стас, делая вид, будто только что проснулся, поднялся со своего места и направился разнимать Зою Ивановну и кондукторшу.

— Здравствуйте, — сказал он вежливо, — одолжить вам мелочь на билет?

— Отвали, Стасик! Это не твоя проблема!

Немного людей на свете могли сопротивляться натиску Зои Ивановны, но кондукторша оказалась из их числа.

— Или платите, — настаивала она, — или идите пешком.

— Два билета, пожалуйста. — Стас подал кондукторше полтинник.

— Подлизываешься? — спросила Зоя дружелюбно. — Любаша, позвони мне завтра, напомни, чтоб я вернула ему пятьдесят рублей.

Стасу очень понравилось, что женщину зовут Любой.

— Да что вы, Зоя Ивановна! — сказал он, жадно разглядывая Любу. — Вы не разбогатеете, а я не обеднею.

— О, погодите-ка, — произнесла Люба, и ее голос тоже очень понравился Стасу. — У меня, кажется, есть немного мелких денег…

— Прекрати! Пока ты их найдешь, мы три раза успеем вокруг экватора объехать, а нам выходить на следующей!

— Большое спасибо, молодой человек! Если бы не ваша помощь, нас бы с позором высадили, а эти маршрутки так редко ходят!

Стасу стоило большого усилия убедить себя, что теплая Любина улыбка на прощанье — всего лишь дань вежливости, а не знак особого расположения к нему.

Пока маршрутка стояла на светофоре, Стас видел в окно, как женщины о чем-то спорили возле газетного киоска. Чуть сутулая, но в то

же время подтянутая Люба осанкой напоминала волейболистку перед подачей мяча. Рядом с ней низкорослая тощая Зоя Ивановна казалась еще меньше. Стас задумался, что может связывать столь милую женщину с таким карманным волкодавом, каким была его начальница. Распределиться анестезиологом в отделение сосудистой хирургии, где властвовала Зоя Ивановна, считалось большим горем. Каждый год эту брешь затыкали самыми молодыми и беззащитными аспирантами, и при первой же возможности те сбегали оттуда с криками ужаса.

За Стаса заступиться было некому. Несмотря на звучную фамилию, аристократическую легкость фигуры, подбородок, который учительница истории определяла как «виндзорский», и очки в тонкой золотой оправе, происхождение он имел самое незамысловатое. Мама воспитательница и папа слесарь помогали ему только продуктовыми посылками из дома.

Зоя Ивановна, маленькая ухоженная женщина лет сорока, пыталась компенсировать недостаток роста высокой пышной прической и обувью на шпильках. Из-под ее белоснежного халата всегда выглядывала элегантная кружевная блузка с воротничком, непременно заколотым камеей.

Впрочем, образ тургеневской девушки бальзаковского возраста рассыпался в прах, стоило только Зое Ивановне открыть рот.

То и дело в клинике слышалось безапелляционное: «Не надо со мной спорить!», «Есть два мнения — мое и неправильное!». В общем, Зоя Ивановна, будучи женщиной и гражданским лицом, по части армейских замашек считалась в военно-медицинской академии безусловным лидером.

Когда Стас пришел к ней представляться, приняли его мрачновато.

— Садись. — Зоя Ивановна протянула руку, куда он поспешил вложить свое личное дело.

— Я ваш новый анестезиолог, аспирант второго года Грабовский, — представился Стас.

Зоя Ивановна хмыкнула:

— Надо же… Многообещающая фамилия для доктора. Тебе бы лучше в похоронный бизнес идти. И реклама готова: гробы от Гробовского!

— Я не через «о», а через «а», — обиделся Стас.

— Лишь бы не через «ж»! Ты хоть интубировать[1] умеешь, прелестное дитя?

— Естественно! Я с третьего курса самостоятельно наркозы даю!

Зоя Ивановна посмотрела на Грабовского с жалостью:

— Операции у меня большие и сложные. Твоя задача — удерживать гемодинамику,

---

[1] Интубировать — вводить в трахею специальную интубационную трубку для проведения искусственной вентиляции легких. (*Здесь и далее примечания автора.*)

причем молча. Всякие лирические отступления о том, как это выглядит на молекулярном уровне, и о том, как я не права, лучше сразу засовывай себе сам знаешь куда. Эпидуральной анестезией владеешь?

— Да, конечно.

— Тогда вот тебе история болезни, завтра делаем бедренно-подколенный шунт. Иди смотри больного.

Стас блестяще справился с первой анестезией и заслужил от Зои Ивановны одобрительную ухмылку. Но в медицине как в картах — новичкам везет. Все ошибки и оплошности у Стаса оказались еще впереди, тем более что Зоя Ивановна брала на себя очень сложные случаи. Зачастую она оперировала больных, от которых отказались другие хирурги.

Несмотря на Зоины диктаторские замашки, Стасу нравилось работать в ее отделении, а сложные операции представляли собой прекрасный материал для будущей диссертации.

А теперь еще выяснилось, что Зоя Ивановна имеет таких сексапильных подружек! Стас зажмурился и представил себе Любу. Это было необыкновенно приятно и радостно. Он вспомнил кисти ее рук, которые успел разглядеть, — узкие, с длинными пальцами и безупречным маникюром. Да и вся она, несмотря на несуразные одежды, была очень ухоженной, холеной.

Грабовский любил следящих за собой, нарядных людей и инстинктивно доверял им, хотя многие почитают их за эгоистов. В любых обстоятельствах он предпочитал иметь дело со щеголем, а не с безвкусным неряхой, хоть женского, хоть мужского пола. Ведь если человек за собой не ухаживает, значит, он себя не любит, а мы редко относимся к ближним лучше, чем к себе самому…

Он поймал себя на том, что изобретает способ как-нибудь устроить, чтобы Зоя Ивановна познакомила его с Любой. Может быть, Люба навестит ее на работе, а Стас на правах самого молодого сотрудника подаст им чай? Бред! Или чистосердечно признаться Зое, что ему понравилась ее спутница? Начальница обзовет его похотливым бабуином, и это максимум, на что он может рассчитывать.

«Да у меня же есть девушка! — вспомнил Стас, в последний момент выскакивая из маршрутки на нужной остановке. — Практически невеста».

Зажав в зубах сигарету, Грабовский углубился в безликое нагромождение панельных домов. Скоро он будет жить здесь, ходить в эту двухэтажную «стекляшку» за молоком и хлебом и, Бог даст, катать коляску по пыльным ущельям дворов, размышляя о том, как бы прокормить семью. И никакие Любы не потревожат его воображение.

Поступив в аспирантуру, он сразу обратил внимание на Варю, клинического ординатора кафедры. Маленькая, хрупкая, с широко распахнутыми серыми глазами и аккуратным носиком, она была очень застенчива, еле слышно докладывала о состоянии больных на профессорских обходах, и эта робость привлекла Стаса даже больше, чем Варина несомненная красота. Он несколько раз проводил девушку домой, потом повел в кино — и завязался спокойный роман, который, как подразумевали оба, должен был закончиться свадьбой. Варя оказалась ласковой и домовитой, кроме того, у нее была своя квартира, доставшаяся от бабушки, и папа — проректор мединститута, готовый принять Стаса в семью и способствовать его карьере.

Собственно, жениться можно было хоть завтра. В Вариной верности и любви Стас не сомневался, кроме прекрасной спутницы жизни, он получал еще и жилье, и перспективы служебного роста… Но что-то удерживало его от того, чтобы пойти с Варей в загс. Какие-то туманные идеи типа: куда спешить, раз этим все равно кончится?

«Может быть, она слишком хорошая для меня, — думал иногда Стас, — а я боюсь начать правильную жизнь…»

Варины родители пока не разрешали ей переселиться в бабушкину квартиру. Приходилось коротать вечера за семейными чаепити-

ями. Уплетая пироги, которыми славилась Варина мать, и поддерживая светские разговоры с отцом, Стас никак не мог отделаться от мысли, что играет в спектакле под названием «Будущее Станислава Грабовского». Роли в нем были хорошо прописаны и распределены. Преуспевающий отец — самозабвенный деятель науки и прекрасный семьянин, домовитая мать — преданная жена, которая опекает дочь с любовной снисходительностью… Понимая, что Варе нужно получать образование, мать взяла на себя все хлопоты по дому, но при этом не забыла обучить дочь грамотному ведению хозяйства… И он, зять, молодой человек из простой семьи, но перспективный… Если он будет относиться к членам своей новой семьи с уважением и любовью, ему ответят тем же. Его полюбят, если он будет играть роль убедительно. В конце концов, в образах тестя и тещи присутствует понимание молодых: тесть, тонко улыбаясь, даже позволяет им время от времени уединяться в бабушкиной квартире.

И почему он, Стас, тянет? Ведь ему предлагают сыграть лучшую роль, которую человек может получить в жизни, — роль честного, доброго и порядочного человека? Почему, вместо того чтобы стремиться к счастью, он пытается увернуться от него? Почему чувствует себя тигром, которого загоняют в клетку, пусть даже в роли загонщиков выступают его

собственная любовь и самые лучшие побуждения его натуры?

Может быть, потому, что знает: никто из этих троих искренне расположенных к нему людей не примет его любым! Стоит ему оступиться, его моментально вышвырнут вон.

«А зачем тебе оступаться, Стасик? Разве ты не хотел всегда быть хорошим? Разве не для этого искал такую хорошую девушку, как Варя?

А Люба… Господи, в мире бродит миллион красивых женщин, если по каждой вздыхать, то с ума можно сойти!»

В Варином доме его ждали, и эта естественная и добрая приязнь заставляла забыть все сомнения. Но вскоре эти мысли снова нахлынули. Чтобы отогнать их, Стас вышел на лестницу покурить, выслушав вдогонку несколько добродушных критических замечаний от Вариного папы. Он, кажется, не сомневался, что отучит жениха дочери от этой пагубной привычки.

«Ну и хорошо, ну и пусть отучит! — подумал Стас мрачно. — Здесь мне плохого не пожелают, да и самому мне пора, как говорится, остепеняться. Вот сейчас докурю и сделаю предложение».

Он с силой раздавил окурок о дно пепельницы и собрался навстречу светлому будущему. Но тут в кармане затрясся мобильный телефон.

— Слушаю вас! — вежливо сказал Грабовский и услышал напористый голос Зои Ивановны.

Не хотелось признаваться, но Стас обрадовался звонку, как утопающий радуется руке, схватившей его за волосы и тянущей на поверхность.

— Чем занимаешься?

— Чай пью, Зоя Ивановна.

— Подъехать в клинику можешь?

— Разумеется. А что случилось?

— Да вот хочу тебе пятьдесят рублей вернуть, пока не забыла.

— Что вы, не тревожьтесь!

— Выключи дебила! — посоветовала начальница. — Если серьезно, нужна твоя помощь. Тут наркомана надо оперировать, сам понимаешь, наверняка у него весь букет СПИДов и гепатитов, а у меня дежурный анестезиолог беременный. То есть это женщина, конечно, — зачем-то уточнила Зоя Ивановна. — Выручишь?

— Само собой. Там время терпит? Мне минут тридцать надо, чтоб доехать.

Зоя Ивановна фыркнула:

— Не доживет, ему же хуже. Я его на иглу не сажала.

Стас быстренько переобулся и побежал ловить такси. Срочный вызов на работу был принят с пониманием: Варя ласково расцеловала его на дорожку, а мама в мгновение ока собра-